

С.А. НЕФЁДОВ

Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции

Вопрос об уровне потребления продуктов питания в России до недавнего времени не был предметом споров. Как советские историки, так и дореволюционные экономисты считали его крайне низким. Эта истина была признана на официальном уровне правительственными комиссиями, собравшими многие тома статистических данных [Свод... 1902; Материалы... 1903]. Проблема “оскудения Центра” стала объектом рассмотрения “Особого совещания” под председательством А. Звегинцева, “Комиссии 1901 года”, “Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности” [Симонова, 1971]. “Комиссию 1901 года” возглавлял будущий глава правительства В. Коковцов, к ее работе было привлечено свыше 100 экономистов и статистиков. Результатом стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России [Материалы... 1903]. “Это была самая полная сводка большей частью неопубликованных сведений ведомств и частной земской статистики”, – признает Б. Миронов [Миронов, 2008⁶, с. 23].

Крупнейший государственный деятель начала XX в. С. Витте писал, что “весь этот материал представляет собою богатые данные для всех исследований и даже для всяких научных исследований” [Витте, 1960, с. 558]. На его основании комиссия сделала “общее заключение о крайне неудовлетворительном состоянии земледельческого промысла в большинстве земледельческих районов, обнимающих весь центр, весь восток и даже часть юга и... о менее успешном развитии или даже об упадке благосостояния в этой обширной области” [Материалы... 1903, т. 3, с. 280].

В его сознании эта проблема прямо связывалась с перспективой революции. О результатах работы “Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности” Витте писал следующее: “...из материалов этого сельскохозяйственного совещания всякий исследователь увидит, что в умах всех деятелей провинции того времени, т.е. 1903–1904 гг. бродила мысль о необходимости для предотвращения бедствий революции сделать некоторые реформы... Все революции происходят от того, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности” [Витте, 1960, с. 538]. В препроводительной записке к журналам “Особого совещания” Витте сообщал царю, что сложившийся порядок держится только на долготерпении крестьянства и оно слишком долго подвергается перенапряжению [История... 2008, с. 92].

Нефёдов Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).

С этими выводами соглашался и другой будущий реформатор, П. Столыпин. В отчете о волнениях в Саратовской губернии он писал: “Все крестьянские беспорядки, агитация среди крестьян и самовольные захваты возможны только на почве земельного неустройства и крайнего обеднения сельского люда. Грубое насилие наблюдается там, где крестьянин не может выбиться из нищеты” (цит. по [Кабытов, 1990, с. 52]). Виднейшие царские сановники говорили о “нищете” и “крайнем обеднении” открыто, не заботясь о том, что скажут историки XXI в. Став премьер-министром, Столыпин так отвечал на речи марксистов о бедственном положении деревни: “Я охотно соглашусь... с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса...” [Столыпин, 1991, с. 208].

Возникновение проблемы уровня потребления в предреволюционной России и позиция Миронова

Западная историография первоначально также признавала эту картину оскудения земледельческой России достоверной. До 1970-х гг. причину революции видели в ухудшении положения народных масс, и прежде всего крестьянства, вследствие быстрого роста населения деревни, приведшего к острой нехватке земли [Robinson, 1967; Gerschenkron, 1967; Volin, 1970]. Однако в 1970-х гг. положение изменилось. Один из апостолов “холодной войны”, Дж. Кенан, в 1967 г. призвал западных историков показывать позитивные черты и достижения царского самодержавия [Тюкавкин, 2001, с. 26]. Появившиеся затем работы П. Грегори, П. Гатрелла, Дж. Симмса, С. Хока делали акцент на этих достижениях; их авторы старались доказать, что российская аграрная экономика находилась на пути поступательного развития, а уровень потребления увеличивался [Gregory, 1982; Gatrell, 1986; Simms, 1977; Hoch, 1994].

При этом, однако, иногда использовались не вполне корректные приемы. Так, Грегори, оценивая суммарное потребление крестьян, не учитывал потребление овса и ряда других культур и вел исчисление не в натуральных, а стоимостных показателях, что завышало результат ввиду опережающего роста производства более дорогих хлебов [Грегори, 2001, с. 36]. Кроме того, американский автор сравнивал лишь пятилетия 1885–1889 и 1897–1901 гг., хотя С. Уиткрофтом было показано, что потребление сильно колебалось по пятилетиям, и, подбирая даты для сравнения, можно получить любой нужный исследователю результат [Wheatcroft, 1991, p. 134, 172].

Акцентируя внимание на росте производства сельскохозяйственной продукции, западные историки тем не менее признавали, что до 1890-х гг. душевое потребление уменьшалось. Готтрелл, например, писал: «С быстрым ростом населения ситуация еще более ухудшилась в 1880–1890-е гг., “кризис центра” стал острым» [Готтрелл, 1992, с. 109]. Что же касается дальнейшей динамики потребления, то, к примеру, Дж. Бушнелл признавал, что “даже самая оптимистическая интерпретация источников все равно укажет на бедность крестьянина на рубеже веков (пусть несколько уменьшившуюся по сравнению с предыдущим периодом)” [Bushnell, 1988, с. 75].

Судя по обилию ссылок на Грегори, Симмса, Хока, работы этих историков оказали большое влияние на взгляды некоторых влиятельных российских историков, в частности на Миронова, который в своих последних работах говорит не только об увеличении потребления в конце XIX–начале XX в., но и о том, что его уровень “в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии” [Миронов, 2008^a, с. 95]. В статье, опубликованной в рецензируемом журнале “Родина”, Миронов утверждает, что “из табл. 3 следует, что в 1896–1915 гг. крестьяне в среднем получали в день 2952 ккал на душу населения, в переводе на взрослого мужчину – 4133 ккал, что являлось достаточным для совершения тяжелой физической работы в течение дня круглый год” [Миронов, 2009, с. 19]. Это практически единственный аргумент, приводимый историком в этой статье в пользу тезиса об “удовлетворенности” русского

крестьянства в отношении продовольствия (данные о расходах на водку, разумеется, сюда не относятся).

Отсылка к “таблице 3” говорит о том, что эти цифры подсчитаны по данным из работы С. Клепикова [Клепиков, 1920], причем методика подсчетов не раскрывается. Данные Клепикова используются и в другой работе Миронова, где приводится та же таблица (см. табл. 1). Впрочем, в этой последней, более ранней работе на основании анализа тех же цифр Миронов признает, что “рацион низшей экономической группы крестьян, составлявшей 30% всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией” [Миронов, 2002, с. 37]. Это, конечно, противоречит его же утверждению, что этот рацион “в целом удовлетворял существовавшие в то время потребности в продовольствии”. Но не в том суть. Представляется важным проанализировать, насколько репрезентативны сами данные Клепикова и можно ли их использовать для того, чтобы делать далекоидущие выводы.

Репрезентативность данных Клепикова и проблемы источниковедения

Как следует из таблицы 1, данные Клепикова относятся к разным годам и обладают различной степенью достоверности. Пять из 16 обследований охватывали меньше ста хозяйств и могли давать выборочные средние, весьма далекие от реальных значений. Данные вологодского обследования показывают, что потребление в соседних уездах одной губернии резко колебалось: потребление в Кадниковском уезде в 1909 г. было в полтора раза выше, чем в Вельском уезде в 1907 г. 10 из 16 обследований были проведены в рекордное по урожайности пятилетие 1909–1913 гг. Правда, два из них отчасти проводились в засушливом 1911 г. – но там, где они проводились (в Московской и Тульской губерниях), засухи не было. Три других обследования (вятское, черниговское, тамбовское) также проводились в годы высоких урожаев, а в благодатной Херсонской губернии душевые чистые сборы были столь велики, что потребление было высоким всегда. Новгородское обследование длилось так долго, что неясно, проводилась ли часть работ и в неурожайные годы. И только обследование, проведенное в Вельском районе Вологодской губернии, определенно попало на относительно неурожайный год (сбор был на 10% меньше среднего) – и показало крайне низкий уровень потребления.

Но в целом выводы очевидны: земства выбирали для своих обследований урожайные (а также рекордно урожайные) годы – и это вполне понятно: в годы неурожая крестьяне могли плохо встретить земских статистиков. Иногда статистики прямо признавали, что они исключали из обследования села, в которых был неурожай [Кореневская, 1953, с. 35].

Как известно, таблица, приводимая Клепиковым, была основана на данных, приведенных в сборнике материалов под редакцией А. Чаянова [Материалы... 1916]. Однако специалисты, работавшие над вопросом о введении продовольственных норм, считали эти данные неудовлетворительными. “Сделанная А. Чаяновым сводка имеющихся бюджетных данных представляет довольно скудный ряд разрозненных, разноценных и часто устаревших показателей размеров душевого потребления всех хлебов... менее чем по 15 губерниям... – писал редактор другого статистического сборника того же времени Е. Яшнов. – Таким образом, от пользования в данной области бюджетными материалами приходится неизбежно отказаться, тем более что и сама возможность распространить данные о потреблении хлеба в небольшом сравнительно числе обследованных хозяйств на все население губернии представляется в высшей степени сомнительной” [Производство... 1916, с. 59]. Известный статистик А. Лосицкий отмечал, что “невозможно представить точную динамику крестьянского потребления... ввиду небольшого числа довоенных наблюдений, малого числа охватываемых ими губерний, разновременности и разнометодичности их” [Лосицкий, 1927⁶, с. 83].

Данные Клепикова о потреблении хлебобудучков и картофеля*

Губерния	Уезд	Год обследования	Число бюджетов	Хлеб и картофель в переводе на хлеб	
				на едока	на душу
Вятская		1899–1900	1987	29,83	21,3
Вологодская	Вельский	1907	102	17,83	12,7
	Вологодский	1905	136	19,72	14,1
	Кадниковский	1909	243	26,47	18,9
	Тотемский	1903	91	21,32	15,2
	Итого:		572	22,41	16,0
Олонецкая		1909	19	31,98	22,8
Новгородская		1903–1911	92	29,8	21,3
Костромская		1908–1909	376	21,02	15,0
Ярославская		1909	2192	21,45	15,3
Московская		1910–1911	45	21,51	15,4
Смоленская		1913	71	24,47	17,5
Калужская		1909	119	19,22	13,7
Тульская		1911–1914	655	28,84	20,6
Пензенская		1913	261	35,4	25,3
Тамбовская		1915	85	25,55	18,3
Симбирская		1913	225	31,62	22,6
Черниговская		1914	5	24,3	17,4
Харьковская		1910	101	25,69	18,4
Херсонская		1896–1898	124	38,1	27,2

* Картофель переведен в хлеб в соотношении 4:1 для губерний Европейской России, в которых проводились бюджетные обследования в 1896–1915 гг. “Едок” – это взрослый мужчина, он потребляет в 1,4 раза больше средней “души” [Клепиков, 1920, прил.1].

Какое число хозяйств нужно обследовать, чтобы получить относительно достоверные данные? На основании анализа, проведенного методами математической статистики, ЦСУ СССР в 1925–1929 гг. считало необходимым обследовать 10–15 тыс. хозяйств *каждый год*, причем эти хозяйства должны быть распределены по губерниям пропорционально численности населения, а выборка должна быть действительно случайной, не зависимой от статистика [Бокарев, 1981, с. 45–54]. Данные Клепикова и Миронова охватывают лишь 7381 хозяйство *за 20 лет*, при крайне неравномерном распределении: в двух губерниях (Ярославской и Вятской) учтены 4179 хозяйств, а на остальные губернии приходится менее половины от их общего числа.

Но дело не только в невозможности распространения данных небольшого числа обследований. “Есть основания полагать, – утверждает М. Давыдов, – что *методически неверен* был и подход статистиков к данным бюджетов” [Давыдов, 2003, с. 195]. К выводу о том, что бюджетные обследования приукрашивают реальную картину, приходили ранее многие исследователи. Г. Робинсон и Н. Кореневская утверждали, что это происходит за счет преувеличения в выборке доли более состоятельных хозяйств. При некоторых обследованиях, например, при костромском и вологодском, беспосевные хозяйства вообще не включались в выборку [Robinson, 1967, с. 251; Кореневская, 1953, с. 29–41]. Относительно недавно “несовершенство методов” было убедительно показано Давыдовым, который установил, что часть зерна, потребляемого, по бюджетным данным, в пищу, в действительности расходовалась на фураж [Давыдов, 2003, с. 195–198].

Казалось бы, нерепрезентативность имеющихся для начала XX в. бюджетных данных совершенно очевидна. В лучшем случае (и с учетом “несовершенства

методов”) эти данные можно использовать для характеристики потребления в отдельных губерниях (или уездах) в отдельные урожайные годы. Но совершенно недопустимо опираться на них для определения среднего уровня потребления за 20 лет (1896–1915) и, более того, распространять эти данные с 16 губерний на 50 губерний Европейской России, как это делает Мионов.

Методика определения реального уровня потребления хлебов в России

Но как определить уровень потребления хлебов в России начала XX в.? Эта проблема была чрезвычайно актуальной для Яшнова и его сотрудников из Особого совещания по продовольственному делу, которые в 1916 г., в условиях продовольственного кризиса, готовили обоснование для введения нормирования хлебопродуктов. Как отмечалось выше, Яшнов отказался от использования бюджетных данных и положил в основу своих расчетов материалы урожайной и транспортной статистики. Однако для того, чтобы использовать урожайную статистику, пришлось сначала рассмотреть вопрос о ее достоверности. Дело в том, что данные об урожаях собирались в указанный период Центральным статистическим комитетом (ЦСК) Министерства внутренних дел, Министерством земледелия и земствами. Для сбора данных ЦСК через волостные правления каждый год распространял около 100 тыс. стандартных анкет с вопросами об урожайности и посевных площадях. В то же время, Министерство земледелия использовало сеть добровольных корреспондентов, которые предоставляли сведения как о своих хозяйствах, так и о хозяйствах соседей. Этих корреспондентов было сравнительно немного (до 8 тыс. человек), они обычно принадлежали к числу крупных и успешных хозяев, и в силу этой специфики поставляемые ими сведения об урожайности, с точки зрения самого Министерства земледелия, были завышенными [Свод... 1902, с. 81].

Таким образом, смысл имеет лишь сравнение данных ЦСК и данных земств; в 1915 г. Д. Иванцов произвел такое сравнение по нескольким губерниям и установил, что в среднем цифры земств превышали официальные данные ЦСК на 9–10% [Иванцов, 1915, с. 26]. “Это обстоятельство могло бы вести к преуменьшению размеров валового сбора, – писал Яшнов в предисловии к редактируемой им книге, – если бы оно не сталкивалось с другой присущей данным ЦСК особенностью. Дело в том, что он (ЦСК. – С.Н.) коэффициент подесятинной урожайности у крестьян прилагает лишь к наделным землям, а сбор со всей остальной площади посева исчисляет по высоте урожая на владельческих землях, хотя значительная часть этой площади использовалась крестьянами на началах аренды и по урожаю мало отличалась от наделных земель...” Земские статистики придерживались иной методики: их цифры урожая на крестьянских землях включали и земли, арендованные крестьянами. Пересчитав урожайность с учетом этой особенности, Яшнов установил, что средняя урожайность (по сопоставимым губерниям) в 1909–1913 гг. составила (пуд./дес.): для ржи, по данным ЦСК, – 54,0, по данным земств – 54,5; для овса – соответственно, 57,6 и 60,8; для пшеницы – 48,0 и 48,1; для ячменя – 57,5 и 57,0. Таким образом, заключает Яшнов, в среднем по крупным совокупностям данные ЦСК были близки данным земств [Производство... 1916, с. XII].

Сотрудник ЦСУ СССР Н. Виноградова, исследовавшая этот вопрос в 1920-х гг., установила, что данные земств к тому же были неоднородными (они зависели от методики сбора), и пришла к выводу, что “данные Центрального Статистического Комитета устанавливали уровень урожая очень близко к действительности” [Виноградова, 1926, с. 90]. Статья Виноградовой до сих пор – наиболее детальное в российской историографии исследование проблемы сопоставимости данных урожайной статистики. Среди зарубежных исследователей изучением этой проблемы занимались С. Уиткрофт и Р. Дэвис, которые также пришли к выводу, что “урожайные данные ЦСК были достаточно надежными” [Wheatcroft, Davies, 1994, p. 25].

**Посевные площади 1916 г. по данным ЦСК (в % к площади
по предварительным итогам переписи 1916 г.)***

Район		Район	
Северный	83,8	Центрально-земледельческий	99,7
Северно-земледельческий	114,2	Юго-Западный	106,4
Петроградский	110,2	Малороссийский	107,6
Прибалтийский	89,2	Новороссийско-Донской	101,0
Западный	98,3	Юго-Восточный	96,6
Центрально-промышленный	122,2	Нижне-Волжский	72,1
Прикамский	106,7	Ставропольский	88,2
Приуральский	98,0	В целом	103,8

* См. [Производство... 1916, с. X].

Степень надежности другого показателя, необходимого для исчисления урожая, – величины посевных площадей можно проверить, сопоставляя данные ЦСК с данными сельскохозяйственной переписи 1916 г. Из таблицы 2 следует, что ЦСК занижал посевные площади на Юго-Востоке и в Прибалтике, но завышал их в Центрально-промышленном районе, Малороссии и на Юго-Западе; в остальных же районах (в частности, в Центрально-земледельческом и Западном) данные были достаточно точными. В целом по стране получалось завышение посевных данных ЦСК над данными переписи на 3,8%. Таким образом, если считать (вслед за Виноградовой и Уиткрофтом), что урожайность определялась ЦСК достаточно точно, то и цифры для урожая должны быть достаточно надежными – и во всяком случае, ввиду некоторого завышения посевных площадей, данные ЦСК *не преуменьшали* общего сбора зерна в Европейской России.

Таким образом, можно использовать данные ЦСК для определения чистого остатка зерновых: это то количество хлеба, которое остается в стране за вычетом экспорта и расходов на посев. Если же добавить к чистому остатку хлебов чистый остаток картофеля, то мы получим величину потребления хлеба и картофеля в пищу и на фураж. (В моих расчетах 5 пудов картофеля приравняются к 1 пуду зерна [Материалы... 1916, с. 47].) Данные о производстве хлеба в 53 губерниях Европейской России (включая Северный Кавказ) имеются с 1893 г., и график на рисунке отражает динамику потребления в 1893–1914 гг.

Как видно из рисунка, потребление в отдельные годы существенно менялось в зависимости от урожаев, поэтому для определения долговременной динамики необходимо использовать кривую тренда – в данном случае, пятилетнее среднее. Кривая тренда движется вдоль средней линии в 20,6 пуда, плавно поднимаясь до 21,8 пудов в 1900–1904 гг., опускаясь до 19,3 пудов в 1905–1909 гг. и затем снова поднимаясь до 22,9 пуда в 1909–1913 гг. Среднее же значение душевого потребления в 1901–1914 гг. оказывается равным 21,2 пуда.

Посчитанное таким образом потребление включает расходы на пищу для людей и фураж для скота, на винокурение, а также потери. Но для того, чтобы определить величину потребления в пищу, необходимо оценить расходы зерна на фураж. ЦСК не собирал данные о потреблении зерна на корм скоту, но эта проблема была чрезвычайно важной для специалистов, которые в 1916–1918 гг. готовили материалы для введения продовольственных норм. Осенью 1917 г. Статистико-экономическое отделение Министерства продовольствия пыталось подсчитать, сколько хлеба уходит на фураж. В губерниях были запрошены сведения о нормах кормления скота и на их основании в сентябре 1917 г. приняты следующие нормы для расчетов потребления на фураж: на лошадь рабочего возраста – 25 пудов зерна, на корову или быка – 12 пудов, на жеребят до 1 года – 8 пудов, на нетелей, подтелок и бычков – 6 пудов, на свиней – 5 пудов.

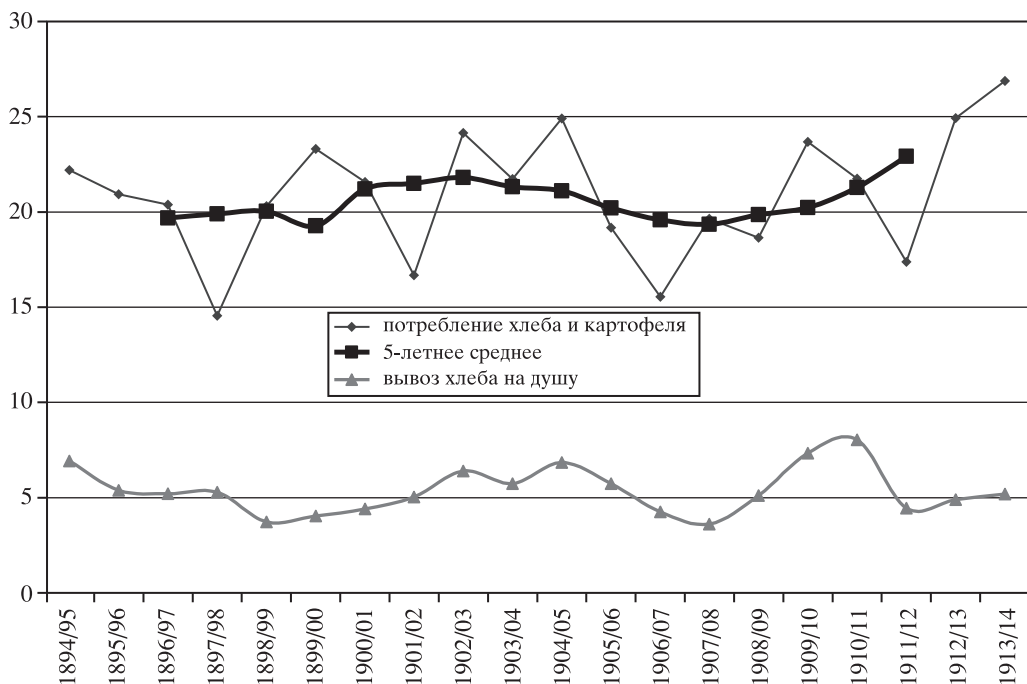

Рис. Динамика потребления хлеба и картофеля (в пересчете на хлеб 5 : 1) и вывоза хлеба на душу населения по 53 губерниям Европейской России [Урожай... 1894–1914; Сборник... 1902, с. 7; Свод... 1902, с. 132–133; Сборник... 1916, табл. VII, А. 4].

По этим нормам на неоккупированной территории 53 губерний Европейской России на корм скоту тратилось 840 млн пудов зерна – 7,5 пудов на душу населения [Урожай... 1918, с. 78–79].

Нужно сказать, что эта оценка была весьма скромной – по достаточно точным данным ЦСУ СССР в 1925/26–1928/29 гг. душевой расход фуража составлял 9,4 пудов зерна и 1,0 пуд картофеля в пересчете на зерно [Нефёдов, 2009, с. 114]. Тем не менее (очевидно, ввиду тяжелой продовольственной ситуации) Министерство продовольствия в декабре 1917 г. пошло на уменьшение этих норм. Группа разработчиков продовольственного плана во главе с Лосицким приняла в своих расчетах, что на лошадь рабочего возраста расходуются 15 пудов зерна в Нечерноземной полосе и 16 пудов – в Черноземной, на прочий крупный скот – соответственно 10 и 11 пудов, на мелкий и средний скот – 5 пудов, на телят – 3 пуда. То есть, расчетные затраты на фураж были сокращены до 724 млн пудов – 6,5 пудов на душу населения [Урожай... 1918, с. 26, 78–79]. Таким образом, душевой расход зерна на фураж в начале XX в. оценивался в пределах 6,5–7,5 пудов (кроме того, на фураж расходовалось некоторое количество картофеля, поэтому общий расход был ближе к 7,5 пудам). В итоге, вычитая расход на фураж из суммарного потребления в пищу и на фураж в 1901–1914 гг. (21,2 пуда) получим потребление в пищу на уровне 13,7–14,7 пуда (сюда также входят расходы на винокурение и потери).

Для того чтобы оценить эти данные, необходимо сравнить их с минимальной душевой нормой потребления на продовольствие. ЦСУ СССР в 1920-х гг. принимал норму в 3750 ккал. на “едока” – взрослого мужчину [Состояние... 1928, с. 50]. Среднестатистическая “душа” потребляет в 1,4 раза меньше “едока”, следовательно, минимальная норма для сельской души составляет 2680 ккал в день. Естественно, хлеб и картофель обеспечивали лишь часть этой энергетической потребности, и норма

их потребления зависела от присутствия в рационе других продуктов, прежде всего молока и мяса. В развитых странах с высоким потреблением продуктов животноводства норма потребления хлеба была существенно меньше, чем в России, где на хлеб и картофель приходилось 78% общей калорийности рациона.

Миронов на основании данных Клепикова установил, что по упомянутым бюджетным обследованиям крестьянская “душа” в 1896–1913 гг. в среднем получала 2952 ккал в день, потребляя при этом 17,7 пуда хлеба и картофеля в год [Миронов, 2002, с. 32]. Отсюда легко подсчитать, что при сохранении той же структуры питания для обеспечения нормы в 2680 ккал необходимо 16,1 пуда хлеба и картофеля в год (напомню, что я пересчитываю картофель на рожь в соотношении 5:1). Городская “душа” потребляет хлеба примерно на 23% меньше [Лосицкий, 1927^a, с. 18], и можно подсчитать, что при доле городского населения в 15% норма потребления хлеба и картофеля для всего населения составит примерно 15,5 пуда. Эта цифра близка к расчетам группы известных историков-аграриев, которые полагали, что минимальная норма потребления составляет 15 пудов на душу [Аграрная... 1971, с. 50].

Статистическая картина недоедания русского крестьянства

Таким образом, среднее потребление в пищу в 1901–1914 гг. (13,7–14,7 пудов) не достигало до нормы (15–15,5 пуда); это означает, что (в силу статистического разброса) больше половины населения жили в условиях постоянного недоедания. Впрочем, в разные периоды положение было различным: в рекордное по урожайности пятилетие 1909/10–1913/14 гг. потребление в пищу составляло 15,4–16,4 пуда, а в 1908/9–1909/11 гг. – только 12,9–13,9 пуда. Положение осложнялось тем, что ситуация была различной не только в разные пятилетия, но и в разных губерниях.

Изменение потребления хлебов по отдельным губерниям можно проследить, опираясь на данные урожайной и транспортной статистики. Данные железнодорожной статистики можно считать точными, но данные о водных перевозках менее достоверны. Для 1908–1913 гг. эти данные были обработаны статистиками в ходе подготовительных работ к нормированию продовольствия в 1916–1917 гг. [Производство... 1916^b; Исчисление... 1916].

При этом отмечалось, что для средневолжских губерний погрешность в водных перевозках может быть достаточно большой. Еще одна проблема состоит в том, что данные о перевозках “второстепенных” хлебов (кукурузы, гречихи, проса) имеются только за 1912–1914 гг., поэтому я исключил из рассмотрения (наряду со средневолжскими) южные степные губернии, где кукуруза и гречиха играли существенную роль в посевах и перевозках. В таблице 3 приведена информация о потреблении (в пищу и на фураж) в 1908–1911 и 1909–1913 гг. для 25 оставшихся губерний, которая может считаться относительно надежной. Кроме того, в этой таблице указано потребление в 1898–1902 гг. для 13 губерний, в которых как водные перевозки, так и перевозки второстепенных хлебов были незначительны, и, таким образом, имеется возможность определить потребление, учитывая лишь объем урожая и железнодорожных перевозок. При анализе материала этой таблицы нужно также учитывать, что данные ЦСК о посевных площадях для Центрально-промышленного и Малороссийского районов были несколько завышенными (ср. табл. 2), следовательно, немного завышенными могут быть и данные о потреблении.

При анализе данных таблицы 3 обращают на себя внимание, прежде всего, значительные колебания в уровне потребления даже на уровне четырех-пятилетних средних. В этой связи *становится очевидной полная непригодность бюджетных данных за отдельные годы для характеристики среднего потребления: действительно, какое значение могут иметь данные за один случайно (или неслучайно) выбранный год, если даже пятилетние средние отличались иногда на 30%?*

Далее, из приведенных данных следует, что потребление в нечерноземных губерниях (кроме столичных) было низким уже в 1898–1902 гг. и в дальнейшем оно

**Погубернская динамика душевого потребления хлебов в пищу
и на фураж 1898–1914 гг.***

Губерния	1898/1902	ВВОЗ (+) или ВЫВОЗ (–)	1908/11	ВВОЗ (+) или ВЫВОЗ (–)	1909/13	ВВОЗ (+) или ВЫВОЗ (–)
Петроградская			21,0	16,9	23,9	19,5
Московская	21,5	14,5	21,3	16,6	22,2	16,8
Архангельская			15,2	9,9	16,1	10,8
Вологодская			17,5	3,4	17,7	2,8
Новгородская			17,7	5,1	18,8	5,7
Псковская	17,7	1,5	19,6	3,5	19,9	3,4
Витебская	16,6	2,4	17,8	3,8	18,4	3,7
Могилевская	18,7	–0,1	18,1	1,9	19,2	1,6
Минская	19,9	0,3	20,8	1,4	20,9	1,3
Тверская			16,2	5,6	17,7	5,5
Смоленская	22,9	1,5	19,4	4,8	21,0	3,8
Калужская	19,1	2,7	16,7	5,5	18,2	5,0
Владимирская			21,6	8,2	22,8	8,8
Тульская	25,8	–9,5	18,5	–11,8	20,0	–10,1
Рязанская	24,3	–4,9	16,9	–5,2	18,4	–4,1
Вятская			22,5	–1,7	23,5	–1,9
Пермская			26,0	2,2	27,8	2,8
Орловская	25,0	–3,0	20,6	–2,8	21,9	–2,9
Курская	30,1	–5,6	24,5	–3,4	27,2	–4,6
Воронежская			20,1	–6,1	25,1	–6,7
Тамбовская	26,6	–11,6	20,3	–12,7	24,6	–10,9
Киевская			23,7	–1,5	25,4	–2,0
Полтавская			23,8	–8,7	26,5	–9,2
Харьковская	23,9	–3,8	24,1	–6,1	27,6	–6,3
Черниговская	19,7	–2,5	16,8	0,4	18,4	–0,3

* Подсчитано по [Яшнов, 1916; Исчисление... 1916; Урожай... 1898–1914; Лященко, 1924, с. 266–267].

оставалось таким – причем оказывается, что местное сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и уровень потребления поддерживался за счет намного увеличившегося ввоза продовольствия. Для черноземных губерний характерно, что в 1898–1902 гг. (несмотря на большой вывоз хлеба) потребление повсюду было существенно выше, чем в нечерноземной полосе (исключение составляет только Черниговская губерния). Но к 1908–1911 гг. потребление в большинстве губерний резко падает, причем особенно тяжелое положение складывается в Тульской и Рязанской губерниях, откуда продолжается большой вывоз, несмотря на явный недостаток продовольствия в деревне. В 1909–1913 гг. благодаря хорошим урожаям положение в Курской и Харьковской губерниях заметно улучшается, но в Тульской, Рязанской и Орловской губерниях потребление остается низким – то есть наблюдается явный кризис в Северном Черноземье.

При рассмотрении данных таблицы 3 нужно учесть, что потребление зерна на фураж зависит от количества скота в губернии. Специалисты из Министерства продовольствия подсчитали, сколько зерна уходит на фураж в каждой губернии, если кормить скот по указанным выше – “сентябрьской” и “декабрьской” нормам Министерства продовольствия [Урожай... 1918, с. 76–79]. Отсюда, зная численность населения губернии и принимая норму потребления в пищу в 15,5 пуда, можно подсчитать норму потребления в пищу и на фураж и сравнить ее с данными таблицы 3.

**Нормы потребления и реальное потребление в процентах
к различным нормам***

Губерния	Нормы потребления		Потребление в % к декабрьской норме		Потребление в % к сентябрьской норме	
	декабрьская	сентябрьская	1908/11	1909/13	1908/11	1909/13
Петроградская	17,6	17,3	119,4	135,4	121,7	138,1
Московская	17,8	17,7	119,5	124,6	120,4	125,6
Архангельская	20,2	21,2	75,4	79,7	72,0	76,1
Вологодская	21,0	23,4	83,5	84,3	74,9	75,6
Новгородская	21,5	23,0	82,1	87,1	76,8	81,5
Псковская	22,1	23,5	88,8	90,0	83,5	84,7
Витебская	20,7	21,6	86,1	89,0	82,4	85,1
Могилевская	21,7	23,1	83,4	88,3	78,4	83,1
Минская	21,0	21,9	99,0	99,9	94,8	95,7
Тверская	20,2	21,4	80,1	87,5	75,7	82,6
Смоленская	21,4	22,8	90,7	97,8	85,3	92,0
Калужская	20,7	21,9	80,4	87,9	76,2	83,2
Владимирская	18,8	19,4	115,2	121,2	111,3	117,0
Тульская	20,5	21,5	90,0	97,2	86,0	92,9
Рязанская	19,7	20,4	85,7	93,5	83,0	90,5
Вятская	21,6	22,9	103,9	108,7	98,1	102,6
Пермская	23,1	25,1	112,4	119,9	103,8	110,7
Орловская	20,2	21,0	101,9	108,3	98,1	104,2
Курская	20,6	21,6	118,8	132,0	113,5	126,2
Воронежская	21,0	21,9	95,7	119,5	91,6	114,5
Тамбовская	20,2	21,0	100,7	121,8	96,9	117,2
Киевская	19,7	20,3	119,9	128,4	116,7	125,0
Полтавская	20,3	20,9	117,1	130,2	114,1	126,8
Харьковская	20,9	21,7	114,9	132,1	111,0	127,6
Черниговская	21,6	22,2	77,8	85,4	75,6	83,1

* Подсчитано по [Лосицкий, 1918, с. 76–79].

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что потребление в столичных губерниях было значительно выше нормы. И это естественно, так как здесь были сосредоточены наиболее зажиточные слои населения. Выше нормы было потребление и в промышленной Владимирской губернии. В остальных губерниях Нечерноземья среднее потребление было ниже нормы, и особенно низким оно было на севере. Низким было потребление и в северных черноземных губерниях, но к югу потребление постепенно увеличивалось, и в Курской, Киевской, Харьковской, Полтавской губерниях оно было относительно высоким. На востоке, в Вятской и Пермской губерниях уровень потребления был удовлетворительным, но Уфимская губерния уже испытывала последствия аграрного перенаселения. “Как и в центре России, перед крестьянством Уфимской губернии вставал земельный вопрос, – пишет М. Роднов. – Около 20–30% дворов, сеявшие до 2 десятин, представляли из себя пауперов-полупролетариев, избыточное, ненужное население, которое не могли принять города... Вся эта масса вела непрерывную борьбу за выживание, оказываясь в годы частых неурожаев за гранью физиологического существования” [Роднов, 2003, с. 401, 405].

Нужно, конечно, учитывать, что данные таблицы 4 характеризуют лишь *среднее* потребление. В реальности положение осложнялось тем, что в российской деревне существовали две большие группы крестьян, резко различавшихся по имущественному

положению, – бывшие государственные и бывшие крепостные крестьяне. Например, в Курской губернии в 1905 г. бывшие государственные крестьяне имели в среднем 9,3 дес. на двор, а бывшие крепостные – только 4,8 дес. [Статистика... 1905, с. 122]. В силу такой дифференциации даже в благополучной “в среднем” губернии могли существовать сотни тысяч бедняков, мечтающих о “черном переделе” и составлявших социальную базу революции.

* * *

В целом, можно сделать вывод о том, что в Европейской России существовали относительно богатые и относительно бедные, полуголодные, области и разница в уровне потребления была очень значительной. Поэтому неправомерно, как делает Миронов, ограничиваться при характеристике уровня благосостояния русского крестьянства в предреволюционный период замечанием, что “в 1896–1915 годах крестьяне в среднем получали в день 2952 ккал на душу населения... что являлось достаточным для совершения тяжелой физической работы в течение дня круглый год” [Миронов, 2009, с. 19]. Это утверждение не выдерживает источниковедческой критики. Средние цифры для всей Европейской России, распространенные на 20 лет, да еще полученные из нерепрезентативных источников, не раскрывают истинного положения русского крестьянства. Поэтому значимость недоедания крестьянства как фактора, способствовавшего развитию революционного движения в России, остается реально не оспоренной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV–начало XVI века. Л., 1971.
- Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.
- Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. Вып. XXIII, XXIV.
- Витте С.Ю. Воспоминания. В 2 т. М., 1960. Т. 2.
- Готтрелл П. Значение Великих реформ в экономике России // Великие реформы в России 1856–1874. М., 1992.
- Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001.
- Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX–начале XX в. М., 2003.
- Иванцов Д.И. К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915.
- История России. XX–начало XXI века. М., 2008.
- Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Пг., 1916.
- Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990.
- Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Вып. 1. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920.
- Кореневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1953.
- Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания // Статистическое обозрение. 1927^a. № 12.
- Лосицкий А.Е. Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе // Плановое хозяйство. 1927^b. № 4.
- Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. Т. I.
- Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 ч. СПб., 1903.
- Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып. 1. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований. М., 1916.
- Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX–начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008^a. № 3.

- Миронов Б.Н. “Сыт конь – богатырь, голоден – сирота”: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX–начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2.
- Миронов Б.Н. Политика versus истина: особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. 2008⁵. Вып. 1.
- Миронов Б.Н. Причины русских революций. Голодный экспорт зерна, Родина. 2009. № 11.
- Нефёдов С.А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009.
- Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Пг., 1916. Вып. 1.
- Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Дисс... д.и.н. Уфа, 2003.
- Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб., 1902.
- Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916.
- Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I–III. СПб., 1902.
- Симонова М.С. Проблема “оскудения” Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX–начала XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.
- Состояние питания сельского населения СССР. 1920–1924 // Труды ЦСУ. М., 1928. Т. 30. Вып. 2.
- Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1905.
- Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991.
- Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- Урожай 1883 (1884, 1885... 1914) года. СПб., 1883–1914.
- Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918.
- Яшинов Е. К вопросу о продовольственном плане // Известия Особого совещания по продовольствию. 1916. № 28.
- Bushnell J. Peasant Economy and Peasant Revolution at the Turn of the Century: Neither Immiseration nor Autonomy // Russian Review. 1988. Vol. 47. No. 1.
- Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850–1917. New York, 1986.
- Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861–1917 // Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1965. Vol. 4. Part 2.
- Gregory P. Russian National Income. 1885–1913. Cambridge, 1982.
- Hoch S. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 1.
- Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. New York–London, 1967.
- Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: a Different View // Slavic Review. 1977. Vol. 36. No. 3.
- Volin L. A Century of Russian Agriculture: from Alexander II to Khrushchev. Cambridge, 1970.
- Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991.
- Wheatcroft S. G., Davies R. W. The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics // The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913–1945. Cambridge, 1994.